

© 1992 г.

А.П. БУТЕНКО

ОТКУДА МЫ И К КАКИМ БЕРЕГАМ СТРЕМИМСЯ?

БУТЕНКО Анатолий Павлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономико-политических исследований (ИМЭПИ) РАН. Автор нашего журнала.

Вопрос о том, откуда и куда мы идем, чем дальше, тем больше выходит на передний план. Причем вчера еще казавшийся ясным ответ: мы идем от потерпевшего крах социализма к современному демократическому капитализму еще не вызывает гомерического смеха, но уже порождает улыбки и насмешки граждан, ибо ни в первой, ни во второй своей части не может быть обоснован и доказан.

В самом деле: ведь утверждение, согласно которому в нашем обществе потерпел крушение социализм, что поднявшиеся к свободе массы отвергли разочаровавший их, опротивевший им советский строй, представляет собой не что иное как прокоммунистическую неправду или перепев восторженных деклараций коммунистических съездов о построении социализма в нашей стране. Но если не верить пропаганде и исходить из фактов, то ни один уважающий себя социолог или политолог никогда не назовет социализмом строй, в котором и средства производства, и политическая власть отчуждены от трудящихся. Статьи сказать, совсем недавно сами демократы, распространяющие этот миф сегодня, опровергая пропагандистскую ложь о победах социализма и коммунизма в нашей стране, доказывали — и справедливо — что никакого социализма: ни гуманного, ни демократического, ни с человеческим лицом, ни без него, ни зрелого, ни незрелого по указанной причине у нас никогда не было. Думаю, вряд ли стоит называть еще не пожелтевшие статьи, написанные по этому поводу. Осознание того, что социализма как общества людей труда у нас никогда не было, все больше овладевает гражданами, и это вызывает не только насмешки над мифами, но и хорошо поясняет, почему так легко пал прежний строй.

А что же у нас было? Конечно же, в прошлом у нас был не исторический провал, как все еще пытаются убедить нас ретивые публицисты. Грамотные люди знают: провалов в истории не бывает, бывают провалы лишь в головах плохих историков, которые, не сумев связать концы с концами, готовы оклеветать саму историю. На деле же было следующее: используя веру народа в светлое социалистическое завтра, большевики через ошибки и провалы первых лет советской власти вышли на путь нэповского возрождения. Однако партийно-государственная бюрократия, возглавляемая Сталиным, отвергла этот путь. Под видом социализма она реализовала свой собственный социальный идеал — казарменный псевдосоциализм, обеспечивший номенклатуре и политическую власть, и распоряжение общественными богатствами. Так было создано общество-монстр, двуликий Янус, заявлявший о своем служении людям труда, но эксплуатирующий и угнетавший трудящихся еще более жестко, чем это делал цивилизованный капитализм. Вполне естественно, что трудящиеся в конце концов его отвергли.

Сегодня, когда страна оказалась на перепутье, у каждого возникает вопрос: куда идем, к каким стремимся берегам? В обществе, в котором не хватало всего, но только не «светлых идей» о будущем, возник дефицит и здесь, причем не в среде тех, кто набивается массам в новые поводыри, нет, не ясно другое: чего хотят власть имущие? Какую судьбу они уготовили России? Порой даже кажется, что они влекут россиян по дороге, не ведая того, куда она выведет, но уже завтра возникает другое опасение: а не хотят ли ново-явленные друзья народа повторить эксперимент с осчастливлениением нас своим собственным выбором? Не подсунут ли они своим гражданам цель, которую те вовсе не выбрали?

Вот как эти опасения выглядят в частушках россиян:

Наш ковчег швыряет очень
То на рифы, то на мель,
Не найдем во мраке ночи
Райских сказочных земель.
И по этой по причине
Нам другого не дано
Пробурбулькаем в пучине
И погрузимся на дно.

Если вопрос «откуда мы?» сегодня насквозь идеологичен, ибо ответ на него в рамках принятых клише (мы распрошались с социализмом) пусть и лжив, но все же крайне важен для оглушения обывателя, то ответ на вторую часть вопроса («куда нас ведут?») уже непосредственно заключает в себе социальную установку, показывает, ради чего прежняя бюрократическая казарма сегодня называется социализмом, куда нынешняя власть зовет народ.

Когда страна погружается в трясину развала и смуты, из уст демократов как из рога изобилия льются обещания и посулы скорого возвращения в лоно человеческой цивилизации, свет чего забрезжит уже в конце нынешнего года. Всех нас призывают потерпеть еще немножко, еще чуть-чуть, чтобы через переходный период быстренько войти в цивилизованный рынок, приобщиться к благам современного капитализма. Говоря о рыночной экономике, именно на это намекают нам сегодня тут и там. А почему только намекают, почему стоящие у власти не говорят прямо и откровенно, что ведут нас и обязательно приведут ко всем благам современного буржуазного образа жизни?

Я вижу несколько причин, почему стоящие у руля не очень откровенны по поводу своих социальных идеалов и, намекая на капитализм как на наше «светлое будущее», все же как бы стыдятся или не решаются сделать этот строй своим идеологическим знаменем, широко афишируемой ими общей «всенародной» целью.

Первая причина достаточно элементарна: если ты считаешь себя демократом и хочешь, чтобы и другие в это поверили, ты должен отстаивать то, что принесет лучшую жизнь не кучке избранных, а подавляющей части населения страны; сегодня это основные создатели материальных благ — рабочие, крестьяне, инженеры, а также создатели необходимых духовно-культурных условий существования общества — учителя, врачи, научные работники, служащие (в дальнейшем под «народом» подразумеваются перечисленные группы населения). Ведь именно они составляют ныне основную массу граждан, решающую исход референдумов и выборов. Как раз при поддержке этих групп демократы пришли к власти и до тех пор, пока народ считает именно их своими представителями, они могут сохранить власть.

Хорошо понимая это, нужно видимо совсем потерять голову, чтобы идти к своим главным избирателям — людям труда и обещать им в качестве избавления от повседневных бед капиталистическое общество. Ведь рабочие и крестьяне (подавляющая их часть все еще колхозники и не скоро станут самостоятельными фермерами), служащие, учителя, врачи и домохозяйки — чаще всего отдадут себе отчет в том, что они-то удачливыми предпринимателями и миллионерами не станут, а потому надеяться на приход капитализма они могут только из-за крайней безысходности нынешнего положения или из-за непонимания того, откуда свалились на них сегодняшние беды и что будет завтра, когда придет массовая безработица. Если же честно сказать им: вы, дорогие труженики, нужны нам,

демократам, только временно, пока не сформируется третье сословие, когда вам скажем: адью, вы нам больше не нужны, мавр сделал свое дело, то, чего доброго, эти не разбирающиеся в тонкостях политики простаки могут просто отвернуться от демократов, приняв их за предателей и обманщиков. Поэтому, желая утвердить капитализм и делая для этого все возможное, демократам лучше уж помолчать, а не афишировать своих кровавых надежд и устремлений.

Здесь-то и начинается безудержный популизм, двоедушие, стремление любым путем — в том числе и с помощью самых нереальных обещаний и простой лжи (кто знает, где кончается нереальное обещание и начинается элементарная ложь?) — понравиться народным массам, сознавая, что вовсе не их интересы намерены всерьез защищать нынешние демократы, а интересы самостоятельных фермеров, торговцев, предпринимателей и устои воплощающего их идеалы экономического строя.

Такова первая причина: прямое расхождение действительных целей «правящей партии» и истинных интересов народа, заставляющее помалкивать вождей о «светлом будущем». Но ведь этого долго не утаишь! А значит именно здесь заключено исходное противоречие, таящее смертельную угрозу для господствующей фракции демократов.

Вторая причина замалчивания целей состоит в том, что с каждым днем всем становится яснее: современный демократический капитализм нам не грозит, его скорый приход нашему обществу не светит! Кто станет спорить о том, что было бы просто чудесно: закрыть глаза до конца года и открыть их уже в грядущем 1993 г., когда не в сказке, а наяву взамен дефицитов, анархий и развала нас станут окружать порядок правового государства, молочные реки и кисельные берега современного, цивилизованного капитализма. Увы, всё это — из сказок. Общечеловеческий опыт неопровержимо свидетельствует: нельзя долго работать плохо, а жить хорошо. А ведь всему миру известно: никто не умеет так работать, как не умеем мы! Известно и то, что в один присест не научиться работать по-новому, ибо это включает в себя не только высокопроизводительный (без советских перекуров) труд рабочего, крестьянина, служащего, интеллектуала, но и способность правящей элиты не транжирить народные деньги, а рационально и экономно управлять общественными делами. Кто-кто, а сама элита прекрасно знает, что ничего похожего на такую деятельность у нас нет и в ближайшее время не будет ни на каком уровне: такая новизна пока нигде не просматривается!

Простая истина, согласно которой к современному цивилизованному капитализму со всеми его прелестями надо идти не год и не два, а десятилетия, давно общепризнана на Западе и на Востоке. Еще в канун 1991 г., когда только росла эйфория по поводу возможной помощи Запада советским экономическим реформам, «Вашингтон пост» писала: «Для того, чтобы выгодно использовать западную помощь, восточноевропейцы должны осознать, что строительство западноевропейской экономики было медленной и трудной работой, и выполнение этой задачи на Востоке не будет ни более быстрым, ни более легким делом». А вот что почти тогда же писала на другом конце света японская «Майнити»: «Пока нельзя сказать, куда приведут Советский Союз постперестроечные тенденции — возвратят к консерватизму или вызовут рост националистических движений в республиках и развал многонационального государства. Ясно, что только на становление нового порядка в экономике уйдут десятилетия, поэтому постперестроечному периоду нужна и соответствующая идеологическая база».

Такова вторая причина: «неблизость», отдаленность столь желаемой буржуазными демократами цели — современного цивилизованного капитализма в России.

Есть еще одно «отрезвляющее» обстоятельство, не позволяющее безоглядно обещать народу блага цивилизованного капитализма: тупиковое состояние советской экономики. Ведь еще недавно всем казалось, что Советский Союз и соответственно Россия, имеющие огромный военно-промышленный потенциал, созданный за годы советской власти, уже давно оставили позади тяжелейшие муки первоначального накопления, прединдустриального развития, и теперь дело лишь за тем, чтобы быстренько трансформировать этот мощный производственный комплекс в фундамент современной экономики, приносящей высокую прибыль и удовлетворяющей народные нужды. Однако время шло, а дело в этом направлении никак не двигалось. Оказалось, что огромный ледяной

айсберг созданной еще при Сталине «мобилизационной экономики» подчиняется только своим принципам и нормам функционирования и не поддается простому трансформированию. Этот айсберг, содержащий огромные запасы пресной воды, столь необходимой его страждущим гражданам, продолжает плыть по течению, теряя одни прежние связи за другими, не обретая новых, разрушая свои прошлые механизмы функционирования и почти не компенсируя их современными. А ведь в этих структурах «мобилизационной экономики», создававшейся десятилетиями как материальный фундамент общества-монстра, задействованы миллионы россиян, и сегодня даже трудно себе представить, что может случиться с Россией, если эта когда-то весьма отлаженная машина вдруг остановится. А такое — не плод фантазии: ведь пока даже не нащупаны пути, как напоить жаждающих, окруженных ледяными глыбами, как включить весь этот огромный производственный аппарат или хотя бы его основные блоки в новую жизнь.

Такова третья причина: социально-экономический тупик, нестыкуемость старого и нового, разрыв, возникающих новых образований и все еще мощных государственно-бюрократических структур прежней экономики, никак не поддающихся трансформации.

Все эти обстоятельства — политические игры с массами, вовсе не радужные перспективы и усиливающийся развал хозяйства, хотя они и вынудили власти пообещать народу за считанные месяцы добиться хозяйственного перелома, смыкают им уста, когда речь заходит об общих социальных идеалах и целях. И все же нет-нет да и раздаются заверения и обещания за несколько ближайших лет создать в стране цивилизованную рыночную экономику, имея в виду современный капитализм.

Когда слышишь такое, хочется посмотреть в глаза обещающему и спросить: откуда, родимый? Неужели не ясно, что в нашей посткоммунистической стране с ее созданным для мировой революции производственным аппаратом, с соответствующими отраслевыми структурами и механизмами, кадрами и традициями, обещать быстро утвердить современный цивилизованный капитализм — не меньшая утопия, чем обещания большевиков на протяжении жизни одного поколения в тогдашней России построить коммунизм. Конечно же, хочется успокоить страждущих и что-то пообещать им, пусть даже не очень реальное, заверить их в правоте своего выбора. Но разве не этим путем шли большевики, обещая и предлагая рецепты? Неужели не ясно: в сегодняшней России нет и в ближайшем будущем не будет ни материально-технических, ни финансово-ресурсных, ни личностно-человеческих предпосылок для утверждения цивилизованного капитализма.

Создается впечатление: чем шире осознается это обстоятельство, тем настойчивее желание власть имущих насильственно навязать обществу обещаемое, искусственно внедрить в него то, что не прививается или даже отторгается обществом. Не потому ли так стараются и так торопятся власть имущие как можно «шире и глубже» привязать страну к «цивилизованному миру», спеленать ее государственными и частно-капиталистическими договоренностями, стремятся влить в нее многомиллиардные иностранные инвестиции, обещая «отблагодарить» за них тем, что под частно-капиталистические инвестиции будут отданы целые отрасли и ряд территорий. Конечно же, создавая смешанную рыночную экономику, мы не можем обойтись без внешней помощи, без иностранных капиталовложений, но если в нашей экономике не появятся собственные, отечественные опоры смешанной рыночной экономики, насильственно это получится так же плохо, как с так называемым социализмом. А этой беды не произойдет, если мы найдем приемлемый для страны и ее граждан собственный путь трансформации, перехода к рынку, рыночной экономике.

Все это означает, что наше положение во много раз сложнее и тяжелее, чем его представляют себе демократы и их широко известная оппозиция. Почему? Потому что путь, который был избран, и, казалось, обещает скорое избавление от трудностей и бед, на самом деле оказался нереальным, ибо он не ведет к намечавшимся целям и желанным берегам. Но если это так, то наше общество оказывается перед новой бедой, новой трагедией: смены лошадей на переправе! Ведь если дело обстоит действительно так, что в ближайшем будущем современный цивилизованный капитализм у нас невозможен, то это означает крах идеологии современного российского демократизма, тайно преследовавшего именно эту цель, выстраивавшего и все еще выстраивающего всю свою политику — внутреннюю

и внешнюю — в расчете на скорое утверждение в России современного цивилизованного капитализма. Все больше обнаруживающаяся утопичность подобных расчетов — вовсе не мелкая одномоментная неудача утописта-одиночки, а провал общественно-политической силы, стоящей у власти, пытающейся управлять общественной жизнью.

Сейчас даже трудно представить в более полном виде, какими событиями это может обернуться для страны. Первое и самое непосредственное будет состоять в том, что терпящие фиаско станут любыми способами стремиться к удержанию власти, к подтверждению своей правоты, отвергая критику, оппозицию, альтернативную политику, тем самым все больше и больше расходясь с гражданами, все шире и глубже осознающими случившееся. Сколько будет продолжаться такое — никому не известно!

Конечно же, подобный неуспех прежних лидеров и их расчетов раньше или позже, но неизбежно выведет на политическую арену другие силы, способные предложить стране не новую утопию, а реальную программу возрождения страны, вывода ее из тупика, силы, способные сменить сегодняшних демократов. Но это не может произойти быстро, без новых бед и новой борьбы. Если демократы, стоящие сегодня у власти, действительно утрачивают стержень своей политики, если их оценки ближайшего будущего ошибочны, а их далеко идущие устремления ложны или даже бесперспективны, то тогда мы присутствуем не только при глубоком кризисе, но и при закате того демократического движения в России, которое начало складываться и крепнуть еще в условиях перестройки и пришло к руководству Россией в результате фронтального поражения партийно-государственной бюрократии в августе 1991 г.

Что же делать? Где искать выход?

Я считаю, что исходная ошибка была допущена в конце 80-х годов, когда «левые радикалы», разуверившись в перестройке, стали резко менять позиции, поворачивая от обновления социализма к капитализму, от трудящихся к предпринимателям, от народа к буржуазии. Объявив себя друзьями народа, уже не «левыми радикалами» и не «прорабами перестройки», а демократами и сторонниками рыночной экономики, они, растеряв свой демократизм, быстро отвернулись от защиты интересов народа и поставили себя на службу нарождающейся буржуазии и ее социальному идеалу — современному цивилизованному капитализму, веря в возможность скорого достижения этой цели.

Разрыв с народом, отказ от защиты его интересов и переход на службу к новым хозяевам означали глубокую, необратимую трансформацию прежнего революционно-демократического движения, его переход через буржуазный демократизм на позиции либерализма. Однако является азбучной истиной: демократическое движение, не выражающее интересов народа, обречено, как бы долго его агония ни продолжалась. Однако развертывающаяся на наших глазах смерть прежнего отвернувшегося от народа демократизма — вовсе не конец всякого демократического движения. С каждым днем становится все более очевидным, что сегодняшней России необходимо новое демократическое движение. Знаменем этого нового демократического движения не может быть «капитализм», не может им стать и «социализм». Оно должно поднять знамя новых демократических ценностей, отвечающих коренным интересам народа, большинства россиян, большинства граждан России.

Есть ли сегодня такие ценности, которые способны объединить, если не всех, то большинство наших граждан, сплотить наше общество, наш народ?

Я считаю, что в центре этих ценностей должен находиться сам россиянин, собственник и труженик, гражданин России, его неотъемлемые права и свободы, закрепленные и международными, и российскими законами в воссоздаваемом нами гражданском обществе. Такое общество предполагает наличие определенных устоев в политической и экономической сферах.

В общественно-политической сфере — это многопартийная политическая система с четким разделением властей и правовым государством, стремящаяся не копировать подобные системы разных стран Запада и Востока, а основывающаяся на наших российских традициях — традициях Учредительного собрания и Советов, мысль о соединении которых высказывалась в 1917 г. Многоплановый как положительный, так и отрицательный опыт, накопленный в этой области, никак не должен быть отброшен,

но соединен с международным опытом, ибо ошибки и просчеты на уже пройденном собственном пути — нечто неизмеримо более ценное, чем любые новые попытки использовать в своей стране чужой, даже самый положительный опыт и зарубежные весьма удачные политические формы.

В социально-экономической области — это смешанная рыночная экономика, отличающаяся в первую очередь социальной ориентацией, нацеленностью на обеспечение максимально возможной социальной справедливости для главных создателей материальных и духовных ценностей. Тем самым и в этой сфере будут учтены национальные традиции, характерные черты национальных качеств россиян. Как отмечал Ф.М. Достоевский, высшая и самая характерная черта русского народа — это чувство справедливости и жажда ее. Вряд ли кто оспорит, что именно эта «высшая и самая характерная черта русского народа» повела его за большевиками, и можно не сомневаться в том, что она же станет обнаруживать свою разрушительную силу, если лидеры будут игнорировать ее, определяя новые приоритеты.

Убежден, что именно наш народ, в первую очередь россияне, своими долгими поисками, удачами и ошибками, своим блужданием на бездорожье и своими неисчислимыми жертвами выстрадали *социально справедливое, демократическое общество*, которое дало бы возможность каждому — рабочему и предпринимателю, члену кооператива и самостоятельному фермеру, служащему и интеллектуалу жить справедливо, по заслугам, т.е. в соответствии с вкладом каждого в общественный прогресс. Только имея в виду такое общество, стремясь к нему, борясь за его реализацию, население, народ обрели бы не разделяющий, а объединяющий всех социальный идеал.

Когда я выступаю за такое *социально справедливое, демократическое общество*, я слышу: это — очередная утопия, причем неприемлемая и для тех, кто слева, и для тех, кто справа. Социалисты меня обвиняют в приверженности капитализму (а как же: увековечивает эксплуатацию человека человеком!), а капиталисты меня клеймят за воспроизведение старых догм социализма (призывает к социальной справедливости, максимально возможной для людей труда!). Меня не волнует эта критика, а ее равновесность слева и справа даже вдохновляет.

Зададимся вопросом: что уравнивает и сближает и что дифференцирует граждан общества? Очевидно, что их уравнивают политические права и обязанности, которые в правовом государстве у каждого фактически одинаковы. А что разделяет? Индивидуальные качества, не одинаковые у разных людей, а также величина собственности, размер дохода и связанное с этим неравенство общественного положения, условий жизни и индивидуального развития.

Если демократическое правовое государство — условие социально-справедливого распределения не только политических прав и обязанностей граждан, но и их политических возможностей, то важно выяснить: существует ли реальная возможность для продвижения к социальной справедливости в экономической сфере, если не прибегать здесь к насилию, насильственной экспроприации и переделу собственности, имущества?

Всем известно, что если речь идет об экономической сфере, причем в условиях рыночной экономики (а именно о такой экономике мы и ведем речь), то равенство и справедливость здесь вовсе не сводятся к тому, что государство видит в каждом своем гражданине налогоплательщика и взывает с каждого социально справедливый налог (большой с богатых, т.е. с тех, кто имеет больший доход, и меньший с бедных, т.е. владеющих меньшей собственностью, получающих меньший доход). Здесь особенно важно то, как осуществляется процесс производства, как воспроизводятся экономические условия существования граждан.

Давно известно, что социально справедливыми отношения при рыночной экономике складываются там и тогда, где эти отношения подчиняются одному из двух широко известных принципов: распределение по стоимости или распределение по труду. Длительное время (со времен «Капитала» Карла Маркса) считалось, что экономические отношения, основанные на законе стоимости, достаточно справедливы в том смысле, что подобные экономические отношения эквивалентны: и капиталист получает рабочую силу по ее рыночной стоимости, и рабочий, трудящийся получает за свою рабочую силу по ее рыноч-

ной стоимости. Несправедливость обнаруживается при самом «потреблении» рабочей силы: будучи потребленной на капиталистическом предприятии, рабочая сила не только воспроизводит свою стоимость, но и создает прибавочную стоимость, достоящуюся капиталисту, купившему рабочую силу, а не рабочему, создавшему эту прибавочную стоимость. Считалось, что в социалистическом обществе, где рабочий, трудящийся получает не по стоимости своей рабочей силы, а по труду, т.е. не только стоимость, но и часть произведенной его рабочей силой прибавочной стоимости — жизнь устроена гораздо более справедливо, чем при капитализме.

Я не намерен здесь вдаваться в проблемы политической экономии, сопоставляя два названных принципа. Меня интересует практика. В самом деле, каков был результат тут и там?

Всем известно, что казавшееся социально более справедливым так называемое социалистическое общество на проверку оказывалось менее справедливым именно потому, что, во-первых, по труду в этом обществе практически никогда не платили, и, во-вторых, потому, что изымавшаяся «обществом» прибавочная стоимость и часть необходимого продукта употреблялись вовсе не на общественные нужды, а на содержание новых эксплуататоров — бюрократов и их обслуживающую челядь, а также для покрытия расходов на управленческие ошибки власть имущих, на дурость планирования, безхозяйственность.

Очевидно, речь идет не о самой идее: дать работнику по стоимости его рабочей силы (сохранить возможность эксплуатации человека человеком), или дать по труду (сузить возможность присвоения прибавочного продукта). Ведь с абстрактной точки зрения так называемый социалистический принцип распределения по труду вроде бы более справедлив, чем принцип распределения по стоимости. Но взятые в своем практическом осуществлении, эти принципы оказывались несоизмеримыми уже в обратном отношении: где обещали платить по труду, не давали даже по стоимости, а где было узаконено распределение по стоимости, так (например, в Швеции) в результате борьбы трудящихся, вмешательства государства оказывалось возможным обеспечить приближение распределения к реализации принципа распределения по труду.

Значит, дело совсем не в «капитализме» и «социализме», не в сути принципов, характерных для одного и другого общественного строя, а в соотношении общественных сил и использовании обоих принципов. Здесь и находится ответ на вопрос: насколько реальна в обществе социальная справедливость, насколько возможно *социально справедливое общество*. Найдутся ли в обществе силы, способные так осуществить социальную справедливость? В этом можно не сомневаться. Почему? Если в так называемом социалистическом обществе оказались налицо общественные силы, сломавшие капиталистическую систему и ее экономические принципы, а вместе с тем и превратившие экономику в курицу, не несущую золотые яйца, то можно не сомневаться в том, что общество вполне в состоянии так соразмерить свое воздействие на экономику, чтобы она оставалась курицей, несущей золотые яйца, т.е. приносящей прибыль и способной к расширенному воспроизводству, стимулирующему предпринимательство. Вместе с тем, здесь вполне возможно такое перераспределение доходов, которое устраняет наиболее возмущающие трудящихся формы эксплуатации, возвращает им часть произведенной прибавочной стоимости, но не умерщвляет инициативу предпринимателей, не заводит общество в социально-экономические тупик.